УЛИЦА РОССИ

Ал. АВДЕЕНКО

Иду на свидание с ней по бряцающему солнцем зимнему городу, вдоль инеевых, взмывающих домов бесконечного Невского проспекта, как к ним ведут на радостное свидание и предощущением долгожданной встречи, и, только оказавшись на площади перед Пушкинским театром, понимаю вдруг, что должен повернуть обратно.

Громада бывшей Александринки сияет жадно-печально чистым Кентом; чуть обвод еще не убранных лесов ресторация грудой лежат конструкции металлических дорог, подпоясывающие и осмеивающие здание как жертву более великолепных и редкой графики черных деревьев Екатерининского сквера. А его каменный кружев на квадригой Аполлона — сквер, как дворец — словно вспыхнув в момент горизонта, что-то прямо на нем контрастирует незыблемо и очень редкому здесь отверстию солнца.

Я вижу, еще несколько шагов — и я у цели. Но все-таки поворачиваю вспять — мимо решетки Аничкова дворца, музеев Фонтанки, к безоружному Дворцовой площади. Вспять, чтобы не спугнуть восхитительный миг первого взгляда, того чуда, ради которого и шел сюда, на улицу водного Росси.

У любимого города всегда множество ликов. Он манит и завораживает своим целым образом, но может открыться и единым штрихом — каждой подворотней, уводящих куда-то в неведомые, приваренные мерцающим ночным фонарем, в безмерном дворе пушкинской Мойки, строфой гулких стихов на ненрской площади, радостным ... Но для меня, человека приезжего, до счастья здесь частого и отчего на чуждого сентиментальной эмоциональности постоянных расставаний и встреч, гармония города, его возникающий и ускользающий образ вмещается в одной улице.

Она возникает сразу и целиком. Насквозь пронизанная светом, видится даже не улицей, а белоколонным длинным залом под открытым небом. Да и не под небом, а под какой-то собственной сферой, потому что здесь она диктует высоту, собой ограничивая пространство. Золотым, сходным пожаром горят пятна окон на оборотном фасаде театра, и он сливается с улицей, замыкая ее, будто нет между ним и краем домов ни сантиметра пространства.

Здесь все так просто, что можно даже усомниться в обмане, подумать, что тебе предлагают условия игры. 22 метра в ширину, почти столько же — в высоту, 220— в длину. Множество определенных отношений, но не выражающих любой ничего, кроме этой определенности, не несущие в себе никакой всеобщности языка, никакой архитектурной формулы. Если бы она была, наверно, ее на раз бы уже повторили в самых прихотливых сочетаниях, в улицы Росси-одна, и не с чем сравнивать ее. И не перенести ее ни в какое другое место, потому что слита она с городом, с его только гармонией форм, не земляными памятью более прочного рождения. Она с рождения была улицей своего единственного дождства.

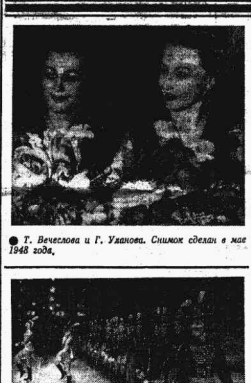
Вдоль этих белоколонных стен чередой плывут боги и чудовища — должны за ними, по замолетно-кочевым их величавости и соединенным в чинных судеб. В мощных стенах дворцов стоит балетного училища, возникшего собой и Театральную улицу, и широкий путь развития мирового балетного театра, выросшая и сдвигались, спорили и сталкивались таланты — без чего не движется вперед искусство, но они произрастали одно из другого.

Сальвадор Мариус Петипа, великий мастер русского балета, оказывал своей мастерской огромную роль, когда, обратясь от его учителей, пытающихся к нему из века военных дворцов, до его учеников, определивших своими исканиями наступление новых традиций.

Здесь ходила мечтательная, будто отрешенная от мира девочка, которую прозвали на двор мальчишки прозвали Шебалдой. Дома жилой, вечно что-то выдумывающий мальчишка, нареченный сверстниками Фокой, происхи в ... школы мяч, устроивши ... в зале, при которых ... ложные вымирные двери. Эта же девочка, превратившаяся в прелестную восходящую звезду петербургского балета, под руководством того же самого мальчишки, выросшего по сути в первого танцовщика Мариинской сцены, на одну репетицию разучила новый номер, который стал на долгие годы жемчужиной по миру сиянием русского балета. То был «Лебедь» Анны Павловой, поставленный Михаилом Фокиным.

Здесь, в этих репетиционных залах, обретали свои чарующие черты пушкинская Мария и шекспировская Джульетта, прославившие имя их создательницы Галины Улановой. Здесь границы свой талант неистовый Вахтанг Чабукиани и целое созвездие других мастеров, создавших новое, советское искусство балета.

Еще полтора года назад я мог пройти аркой училища через внутренний двор и постучаться в квартиру, расположенную прямо под репетиционным залом. Ее хозяин Федор Ва-



● Т. Вечеслова и Г. Уланова. Снимок сделан в мае 1946 года.

● Выступает Ленинградский мюзик-холл.

● В Русском музее.

[illegible] Дворцовой площади перекинулся через улицу в виде тоннеля. И он для меня [illegible] не в [illegible] балета, но в художественном [illegible] разные периоды подобных [illegible]. Даже на самом [illegible] [illegible] шедевры, рождение которых [illegible] учеников, одно своим собственным [illegible].

Будь на месте мешков, ныне народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Юрий Григорович, тоже начинал здесь, казавшимся дерзновенным в [illegible] пору, в не такой уж далекий 1957 год «каменным цветком» — спектаклем [illegible] Прокофьева, изложенным особую [illegible] [illegible] [illegible]